

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И *ETHNOHISTORY*: ВНЕШНИЕ СХОДСТВА И ВНУТРЕННИЕ ОТЛИЧИЯ

Д.В. Верховцев

Дмитрий Владимирович Верховцев | <http://orcid.org/0000-0001-9232-2952> | dverhovtcev@gmail.com | стажер-исследователь | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

этническая история, история российской антропологии, теория этноса, этногенез, этничность, этноистория, ethnohistory

Аннотация

Советская этническая история и американская ethnohistory (этноистория) имеют схожие названия и схожие методы: сбор междисциплинарных источников, обобщение собранной информации антропологами-этнографами. Однако внутренние различия гораздо многочисленнее сходств. Так, советский исследовательский жанр основывается на примордиальном понимании этничности и рассматривает прошлое в том числе индустриальных наций, тогда как американский фиксируется лишь на преемственности групповых идентификаций индигенных групп. Жанры проявили себя по-разному и в преодолении кризисов развития: этноистики, занимая маргинальное положение в антропологии, тем не менее достаточно кардинально расширили географическое и предметное поле своих исследований, тогда как в работах специалистов по этнической истории почти прекратилось обсуждение теоретических проблем. Такое положение обусловлено режимами функционирования науки в советском и американском обществах и степенью вовлеченности во взаимодействия с различными уровнями государственной власти.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00241]

Этническая история и этногенез — жанр¹, который расцвел в советскую эпоху, а потому прочно с ней ассоциируется. В энциклопедическом труде, созданном советскими этнографами, указывалось, что “исследования в области этногенеза народов мира осуществляются почти исключительно в рамках марксистской науки, прежде всего в советской этнографии. Это объясняется тем, что изучение проблем этногенеза возможно лишь на основе разработки теории этноса” (Крюков 1988: 60). В постсоветское время вместе с упомянутой

Статья поступила 09.01.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 18.01.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Верховцев Д.В. Этническая история и *ethnohistory*: внешние сходства и внутренние отличия // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 46–67. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020036> EDN: CLHKJW

Verkhovtsev, D.V. 2024. Etnicheskaia istoriia i *ethnohistory*: vneshnie skhodstva i vnutrennie otlichia [Ethnohistory and *Etnicheskaia Istorii*: Outer Similarities and Inner Differences]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 46–67. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020036> EDN: CLHKJW

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

теорией этноса этническая история и этногенез приняли достаточную порцию критики, и их популярность в крупных антропологических/этнологических институтах значительно упала. Хотя публикации по теме все еще выходят в значительном количестве, они не развивают методологию, не расширяют тематические горизонты и чаще всего воспроизводят уже отработанные схемы — невольно возникает вопрос: не является ли это свидетельством уходящего вида исследований?

В англоязычной антропологической традиции уже больше полувека существует жанр с весьма схожим названием. С 1950-х годов в Северной Америке бурно развивалось междисциплинарное направление *ethnohistory* (этноистория), его в основном представляли антропологи, привлекающие в своих исследованиях источники смежных дисциплин. Этноисторики издавали книги и публиковали статьи, было создано Американское общество этноистории (ASE), которое регулярно проводит конгрессы, конференции и издает журнал *Ethohistory*. В 1980-е годы направление *ethohistory* также оказалось в кризисе, и с этого времени не утихают дискуссии о том, как можно адаптировать данные исследования к меняющемуся миру и меняющейся науке.

Как связаны эти жанры? Если *ethnohistory* еще не сброшена с парохода современности, может, и этническая история в русскоязычной науке преждевременно воспринимается как доживающая последние годы? А возможно, опыт *ethnohistory* по преодолению собственного кризиса мог бы помочь обогатить и перезагрузить российские этноисторические исследования? Ответу на эти вопросы и будет посвящена настоящая статья.

Как все началось. Довольно простым способом понять, когда появился и распространился тот или иной жанр, является поиск массового упоминания его в источниках. Для этого проанализируем употребление терминов “этногенез” и “этническая история” в базе книг на русском языке *Google Books* и термина *ethnohistory* в англоязычной базе того же ресурса (см.: Рис. 1). При помощи инструмента *Ngram Viewer* построим график частоты упоминания этих терминов, где на оси абсцисс будут обозначены годы, а на оси ординат — встречаемость термина в процентах от всего объема источников корпуса. Как мы видим, судьбы *ethnohistory* и этнической истории довольно похожи, рост их упоминаний начался в начале 1950-х годов и продолжался в целом одинаковыми темпами до середины 1970-х годов. В то же время значительный всплеск упоминаний этногенеза пришелся на 1940-е годы, при этом рост употребления этого термина начался еще в середине 1930-х годов (см.: Рис. 1).

Пики повышения и понижения на графике отлично структурируют историю “этноисторических” жанров в СССР и за океаном, с каждым изменением тренда связаны важные события, не всегда только внутри науки; график может стать прекрасным путеводителем по истории “этноисторий”. Итак, самым первым стартовал советский “этногенез”, и крутой рост его линии хорошо показывает начало подъема. В 1930-х годах произошел важный поворот политики советского государства к руссоцентризму и как следствие — к восстановлению преподавания национальной истории. В 1936 г. решение собрания ведущих ученых-историков в Москве закрепило курс на расширение работ по конкретной истории народов (*Шнирельман* 1993: 59). Одно за одним происходили события, встраивающие понятия, имеющие отношение к этногенезу, в официальный идеологический дискурс советской науки: проводились заседания по пробле-

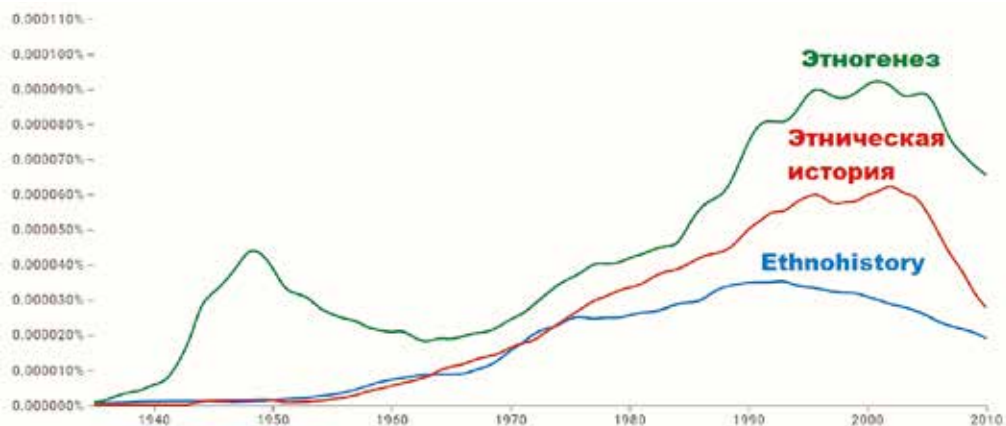

Рис. 1. Упоминания терминов “этническая история”, “этногенез” и *ethnohistory* в текстах (по данным Google Books)

мам этногенеза (прежде всего славян). Осенью 1938 г. эта деятельность формализовалась в создании Комиссии по проблемам этногенеза, которую возглавил историк А.Д. Удадьцов; из восьми членов комиссии лишь один был формально этнографом — С.П. Толстов (Аксенова, Васильев 1993: 88–89).

К этому времени жанр этногенеза имел почти 40-летнюю историю и был хорошо известен, однако оставался на периферии внимания этнографии. Первое употребление термина можно отнести к магистерской диссертации Д.А. Коропчевского, написанной в 1895 г., а опубликованной на десять лет позже. Автор видел задачу этнолога в определении места изучаемого народа в “этногеническом процессе” и указывал, что эта задача должна решаться привлечением источников разных дисциплин (Коропчевский 1905: 27). В дальнейшем понятие этногенеза часто обсуждалось в работах антропологов Петербургской школы (Алымов 2017: 72) и не было забыто после того, как основные ее представители умерли или покинули Россию в годы Гражданской войны. Царившие в раннесоветской гуманитарной науке академик Н.Я. Марр и его последователи, несмотря на радикальный пересмотр дореволюционных взглядов на этнические общности, использовали понятие этногенеза, или этногонии, под которым понимали складывание новых народностей в рамках марксистской концепции стадийного формационного развития общества (Миханкова 1949: 273). Резолюция совещания 1932 г., на котором марристы громили этнографию и этнографов предыдущего поколения, рекомендовала этнографии в том числе сосредоточиться на изучении “процесса этногенеза и расселения этнических и национальных групп” (Арзютов и др. 2014: 77). Удивительно, но, несмотря на последующую опалу и репрессии в отношении марристов, пославших в “нокдаун” советскую этнографию, концепция марровского этногенеза выжила и пришлась ко двору в условиях новой исторической политики, результаты которой мы и видим на первом, восходящем участке графика встречаемости термина “этногенез” (см.: Рис. 1).

Как уже говорилось, изначально советская этнография, еще не оправившаяся после ее разгрома марристами, не играла важной роли в широком становлении в СССР жанра, вышедшего из ее лона. Сессии Отделения истории и философии

АН СССР по вопросам этногенеза восточных славян, самого важного направления в условиях реабилитации русского национального мифа, проходили при доминировании историков и археологов (*Васильев, Аксёнова* 1993: 88), как, впрочем, и сессии Комиссии по этногенезу Академии Наук СССР по этногенезу регионов Советского Союза в первой половине 1940-х годов (*Толстов* 1947: 22). Лишь во второй половине 1940-х годов, упрочив свое положение в связи с выполнением госзаказов на практические исследования во время и после войны, советская этнография попыталась перехватить инициативу в этногенетических исследованиях. Пик упоминаний “этногенеза” в конце 1940-х годов как раз и говорит об апогее этого процесса, а его важным этапом стала теоретическая статья С.А. Токарева (*Токарев* 1949), в которой ключевая роль в координации междисциплинарных исследований этногенеза отводилась этнографам. Интересно, что подготовка этой работы, хотя и велась по инициативе С.А. Токарева (*Козлов, Пучков* 1995: 197), плотно контролировалась директором Института этнографии АН СССР С.П. Толстовым, который допустил ее к печати лишь после многочисленных обсуждений в институте и учета своих замечаний (Рабочий дневник 1951).

1950-е годы вполне можно называть эпохой этноисторических исследований как в СССР, так и в США. Некоторый спад упоминаний термина “этногенез” сопровождался тем не менее появлением и распространением в отечественной литературе “этнической истории”, а за океаном — заметным употреблением *ethnohistory*. Хотя оба эти термина были известны за много лет до “взлета” 1950-х годов (см.: Рис. 1), начало массового их употребления было связано с конкретными событиями. В США в 1946 г. был принят “Закон о Комиссии по претензиям индейцев”, согласно которому индейцы получали компенсацию за незаконно реквизированные в прошлом земли, если могли доказать свою связь с племенными общностями, владевшими этими землями. Историки и антропологи выступали свидетелями при рассмотрении подобных дел, что со временем сформировало специфический жанр исследований, совмещавший антропологические, исторические, археологические и другие источники (*Strong* 2015: 193).

Что касается взлета упоминаний “этнической истории” в СССР, можно предположить, что он был вызван кампанией против марризма и марристов, последовавшей за статьей Сталина в “Правде”. В конце 1940-х годов этногенез во многом все еще ассоциировался с учением Н.Я. Марра, активное участие в развитии жанра принимали ученики академика, в первую очередь археологи и лингвисты. Кампания охладила восходящий тренд этногенеза, и, вероятно, термин “этническая история” стал чаще использоваться как другое название этногенетических исследований, не так сильно связанное с опальным учением. Но не будем исключать и фактор обмена идеями: ведущие советские этнографы, находясь в эпоху позднего сталинизма под суровым идеологическим контролем, все-таки имели доступ к иностранной литературе и были в курсе мировых тенденций в антропологии (Рабочий дневник 1951); расцвет *ethnohistory* в США вполне мог навести отечественных исследователей на мысль об использовании альтернативного термина, давно бытующего в русскоязычной науке.

Что общего между этнической историей и *ethnohistory*. Итак, каково же было состояние этих двух жанров к 1950-м годам? Помимо названия у них было достаточно и других сближений. Прежде всего это метод, основанный на использовании источников различных дисциплин. Как мы видели, в этногенетических исследованиях он утверждался как минимум с конца XIX в., но действительно

важной работой, сделавшей его каноническим, была упомянутая статья С.А. Токарева (Токарев 1949). Статья постулировала, что происхождение народа можно понять, изучив, из каких элементов состоит его “культурный облик”, и выяснив, когда эти элементы соединились в “некое целое”. Так как именно “культурный облик” выделялся в качестве главного определителя этнической общности, то специалистом, способным свести вместе разнодисциплинарные источники, должен был стать этнограф. Однако эта мечта советского этнографа сбылась за океаном: в оказавшейся со временем в той же ситуации *ethnohistory* доминировали антропологи, а историки чувствовали себя людьми второго сорта (Chaves 2008: 494).

Кроме того, когда советские приверженцы концепции этногенеза и американские этноисторики обращались к истории индигенных групп, это сближало архитектуру их исследований и применяемую методологию. Примером могут служить работы по этногенезу народов Севера и Сибири. Как показывает Д.В. Арзютов, влиятельное научное наследство Ф. Боаса и ленинградской этнографической школы Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза сформировало специфику изучения этногенеза у индигенных групп. В этих исследованиях особое внимание уделялось древним, бесписьменным предкам, сведения о которых можно было извлечь лишь из археологических находок и легенд о “прежних жителях”, отметил Д. Арзютов в своей работе (Arzyutov 2021). Во Введении в “Запутанную историю коренных народов Севера Евразии”, опубликованном в 2023 г. в *Suomen Antropologi*, Д. Арзютов и К. Лукин указывают, что, благодаря такому вниманию к фольклору, в ткани научного повествования удалось сохранить индигенные концепции прошлого различных групп, которые теперь появляются в дискурсе современных индигенных авторов (Arzyutov, Lukin 2023: 11). Интересен пример этнографа Е.А. Крейновича, показывающий, что еще в 1920-х годах была сделана попытка вложить в этнографическое исследование идеи, зародившиеся у этноисториков США только через полвека: смешение субъекта и объекта, рассказ истории общества, к которому принадлежат исследователи, через истории индигенных групп (Arzyutov 2021).

Для другого регионального поля — Центральной Азии на примере наследия этнографа Б.Х. Кармышевой С.А. Абашин показал, что, несмотря на этногенетический жанр работ и временные рамки до начала XX в., автор активно использовала этнографические данные и собственные полевые материалы, касающиеся идентичности ее современников. Фактически, указывает С.А. Абашин, эти работы являются уникальным материалом по истории современного Б.Х. Кармышевой населения советских республик, дающим голос идентичностям, который не был слышен в официальной советской версии истории Центральной Азии (Абашин 2018: 44–45).

Как мы видим, в дальнейшем на протяжении двух десятилетий упоминание всех этноисторических понятий уверенно росло примерно одинаковыми темпами, и только в середине 1970-х годов тренды разошлись (см.: Рис. 1). Советские термины продолжили “экспансию” гуманитарных наук вплоть до 2000-х годов, тогда как *ethnohistory* сбавила темпы роста в середине 1970-х, а с начала 1990-х годов показала небольшой спад. Произошло это из-за того, что в 1978 г. Комиссия по претензиям индейцев прекратила работу и опубликовала итоговый отчет. Хотя этноисторики продолжили свои исследования и выступали экспертами в судах по другим делам представителей первых наций, основная причина, бла-

годаря которой расцвел этот жанр, утратила свою значимость (Strong 2015: 193). В США существовал общественный и государственный запрос на деятельность этноисториков, и, когда формальные основания для нее исчезли, ученым пришлось искать более абстрактные причины для сохранения жанра. Фактически с этого начался кризис *ethnohistory*, и о нем, как и о попытках его теоретического преодоления, будет сказано ниже.

Но почему рост упоминаемости “этнической истории” и “этногенеза” продолжался столько лет, не наступала усталость от темы, почему не появлялись другие парадигмы исследования?

И все-таки они разные... В Советском Союзе заказ на этноисторические исследования формулировался более абстрактно, чем за океаном, и результаты не имели прикладного значения, однако существовали внутринаучные причины, заставлявшие этнографов обращаться к этногенезу. С одной стороны, давняя традиция таких исследований породила воспроизводящуюся школу специалистов, а с другой — эти жанры, как указывает С.А. Абашин, были способом уйти из-под жесткого государственного идеологического контроля, так как обращались к прошлым эпохам (Абашин 2018: 44). Проблема научного эскапизма, уход от законсервированных неподвижных догм марксизма-ленинизма, особенно в свете травматического опыта репрессий советской науки 1930–1940-х годов, характерны для истории позднесоветской этнографии. Даже официальная теория этноса, созданная следующим после С.П. Толстова директором Института этнографии Ю.В. Бромлеем совместно с другими учеными, строилась на противопоставлении социального (вотчина догматического марксизма-ленинизма) и этнического (культурно-исторического) (Верховцев, Петряшин 2021). Еще в большей степени это относилось к альтернативной теории этноса — пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, которая уводила этническое еще дальше от марксизма — в область природных явлений, появляющихся в результате воздействия космических лучей и передающихся при биологическом наследовании (Там же).

Указанные теории, начавшие складываться в 1960-е и сформулированные в 1970-е годы, стали важным подспорьем существования этнической истории в советской и постсоветской науке. В то время, когда основные практические задачи *ethnohistory* были решены и этноистики в Северной Америке принялись искать свое новое предназначение, в СССР теория этноса Ю.В. Бромлея официально обосновала поиск корней современных этносов в глубоком прошлом по отдельным культурным составляющим. В отличие от этнической истории индигенных групп Севера и Сибири, о которой мы писали выше и которая в СССР во многом была похожа на *ethnohistory*, довольно значительную часть советских этногенетических исследований составляли местные истории титульных национальностей национальных республик и автономий, которые, как писал В.А. Шнирельман, были легальным инструментом сопротивления общесоветской унификации, создавали национальный миф, укрепляющий идентичность советских национальностей, и зачастую писались самими представителями национальных меньшинств (Шнирельман 2006: 271).

Когда во второй половине 1980-х годов, в эпоху гласности, стали активно издаваться книги Л.Н. Гумилева, его теория, разработанная в 1960-х годах, была легализована и приобрела популярность. Л.Н. Гумилев сделал центральным термином своих работ “этногенез”, хотя и понимал его специфическим образом. Ученый считал, что с пассионарным толчком связано начало развития этносов,

время максимального уровня пассионарности — время их расцвета, а когда пассионарность исчерпывается — наступает их конец. В пассионарной теории существовало и собственное определение этнической истории, она описывалась как “зафиксированные источниками последствия этногенеза и этнических контактов” (Гумилев 2008: 392)². Несмотря на по-настоящему широкую популярность работ Л.Н. Гумилева, они не породили крупной научной школы (в том числе в части этноисторических исследований), тем не менее ввели в общественный дискурс терминологию “пассионарной теории”, что способствовало росту употребимости понятий “этнос”, “этногенез” и “этническая история” (и вызвало увеличение крутизны графика упоминаемости этих терминов во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов).

Во второй половине 1990-х годов, очевидно, прервался почти полувековой тренд увеличения присутствия советского этноисторического жанра в литературе. Тем не менее рост не сменился спадом, и можно говорить о сохранении довольно высокого уровня упоминаемости отраженных на Рис. 1 понятий на протяжении всего постсоветского периода. В научном дискурсе, проанализированном в системе *Google Scholar*, однако, отражается немного другая картина: рост числа научных статей, в названии или описании которых встречаются термины “этногенез” или “этническая история”, продолжался до начала 2010-х годов и только в последнее десятилетие вышел на плато, сохраняя уровень около 1000 работ в год по этногенезу и 600 работ в год по этнической истории. Это смещение на 10–15 лет может отражать какие-то особенности формирования корпуса научных публикаций, но также подтверждает, что сейчас количество упоминаний этноисторических терминов расти перестало. Почему это произошло, хотя множество работ по этой тематике все еще выходит каждый год? Здесь можно говорить о том, что советский этноисторический жанр в 1990-е годы достиг кризиса, в котором давно находилась *ethnohistory* (см.: Рис. 2).

Кризис жанра. Как было показано выше, этногенез и этническая история опирались в своей методологии на концепцию этноса или — шире — на примордиальный подход к этничности, который позволял проводить линии преемственности между современными этническими группами и нациями и древним населением через археологические находки, упоминания в письменных источниках похожих этнонимов и другим “комплексным” данным. Такой подход доминировал в советской этнографии почти 60 лет, последние 20 из которых он был концептуализирован в терминах советской теории этноса Ю.В. Бромлея. Но именно теория этноса стала объектом критики с конца 1980-х годов и утратила функции главной теории отечественной этнографии. Новый директор Института этнографии В.А. Тишков и другие критики последовательно доказывали нерелевантность прежних подходов к этничности, и хотя ссылки на теоретиков этноса и упоминание этого термина все еще широко распространены в литературе, работ, развивающих советскую теорию, практически не выходит (Верховцев 2022).

Так как основной удар приняла на себя теория Ю.В. Бромлея, более ранние публикации по этногенезу и этнической истории, напрямую не связанные с работами академика, подвергались критике в несколько меньшем масштабе. В.А. Тишков не останавливается специально на анализе этногенеза, хотя и считает его продолжающееся бытование пережитком, сохраняющимся благодаря укоренению в истории, археологии, политологии и др., т.е. за пределами этно-

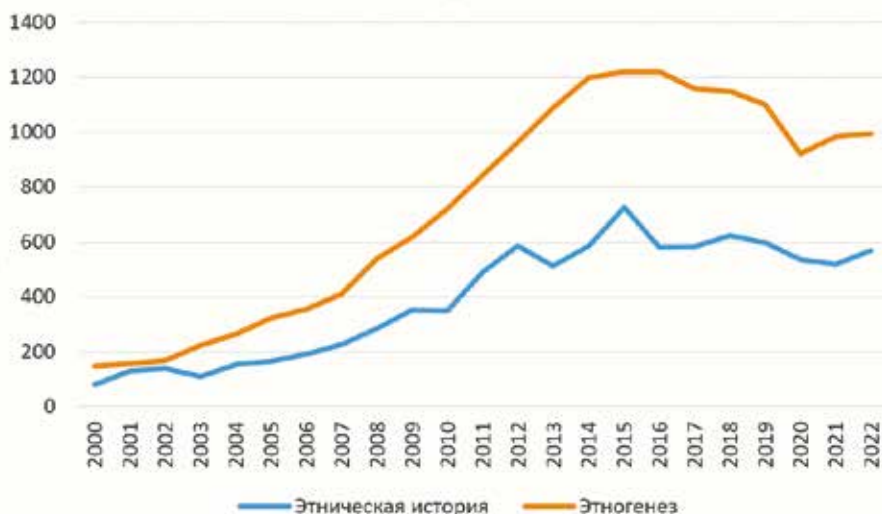

Рис. 2. Упоминания терминов “этническая история” и “этногенез” в научных работах (по данным Google Scholar)

графии-этнологии (Тишков 2016: 5). Достаточно много работ с критикой этногенеза написано В.А. Шнирельманом, который занимается данной темой с конца 1980-х годов. В статье 1993 г. В.А. Шнирельман изложил историю сложения этногенетических исследований, показав первичность политического заказа со стороны советского государства и связь работ по этногенезу с ростом националистических движений в СССР и России (Шнирельман 1993: 64–65). Анализируя ситуацию постсоветской политики национальных республик, В.А. Шнирельман приходит к выводу, что этногенетические построения стали способом создания скорее “этногенетического мифа”, а иногда даже конкурирующих этногенетических мифов, чем научного продукта (Шнирельман 2003, 2006).

Такого рода критика привела к тому, что, как и в ситуации с теорией этноса, этногенезом и этнической историей стали меньше заниматься в столичных этнологических/антропологических учреждениях, публиковавших ранее теоретические работы в этой области. Но в научных центрах национальных республик РФ продолжают “практиковать” жанр, так как там по-прежнему сохраняется мотивация к приложению этногенеза к построению местных идентичностей, о чем писал В.А. Шнирельман.

Вечный кризис этногенеза. Интересно, что, хотя видимый кризис стагнации этногенетического жанра можно отнести лишь ко второй половине 1990-х годов, при чтении теоретических работ остается впечатление, что почти вся история этногенеза в СССР была связана с его преодолением. В большинстве публикаций отмечалась недостаточная проработанность методологии, нечеткость терминологии, необходимость новых мер для решения поставленных задач. Несмотря на более чем полувековую историю, этногенетические исследования предстают вечно молодым направлением, формирующимся, но так и не сформировавшимся.

Для первых послевоенных работ эта позиция была естественной: С.А. Токарев в статье 1949 г. отмечал, что этногенез сможет стать полноценным направлением за счет передачи ведущей роли в его разработке этнографам. Можно

сказать, что статья вышла в период формирования и институционализации советской этнической истории. Однако и в 1980-е годы, и позже в научной среде бытовало представление об этой области исследований как о все еще формирующейся. Так, в 1985 г. Н.Г. Волкова характеризовала этническую историю в СССР следующим образом:

1) отсутствие общепринятой дефиниции “этническая история”; 2) связанное с этим нечеткое представление о границах предметной области ЭИ, о комплексе входящих в нее вопросов; 3) неразработанность основ для периодизации ЭИ; 4) неразработанность источниковой базы этноисторических исследований и 5) неразработанность методических приемов для совмещения и корреляции разных видов источников (Волкова 1985: 16).

А.Н. Анфертьев назвал свою работу, вышедшую в 1993 г., “Прологомены к изучению этнической истории”, имея в виду, что ее основные черты еще предстоит сформулировать, и первым шагом к этому он считал подготовку специальных кадров (Анфертьев 1993: 64). В.П. Алексеев предполагал, что “этногенезологии” еще предстоит выделиться в отдельную науку “в силу необходимости к ней комплексного подхода” (Алексеев 1986: 2). Археолог В.В. Седов, много лет занимавшийся этногенезом славян, в докладе 2002 г., опубликованном в 2006 г., утверждал, что уже “постепенно складывается новая научная область — этногенезология” (Седов 2006: 175). Даже наиболее свежая теоретическая работа этногенетической тематики за авторством А.Н. Томилова в этом смысле недалеко ушла от работы Н.Г. Волковой, так как продолжает обсуждать определение этнической истории, предмет ее изучения и т.п. (Томилов 2016).

Вероятно, проблемы в формировании парадигмы жанра возникали в связи с тем, что сложно было вообразить системную целостность, компоненты которой нужно было проследить “из глубины веков”, чтобы считать задачу этногенетического исследования выполненной. Теоретики обвиняли коллег в том, что сформированная ими “комплексная” картина неполноценна, что они не учли какие-то источники или неправильно оценили их вклад в формирование этноса. Каждый предлагал свой рецепт “коктейля”, представители разных дисциплин старались сделать акцент на “своих” источниках. Очень влиятельная работа лингвиста академика О.Н. Трубачева, хотя и включала этногенетическую терминологию, однако ограничивалась лингвистическими данными из ранней истории славян (Трубачев 2003: 12). А.В. Гадло, занимавшийся раскопками на Северном Кавказе, в своей работе “Этническая история Северного Кавказа” изначально планировал использовать исключительно археологические источники и лишь позже решил дополнить их источниками письменными (Гадло 1979). Характерным примером того, что комплексность этногенеза окончательно запутала исследователя, является цитата из работы Р.Г. Кузеева:

Варианты (этнического развития. — Д.В.) могут быть различными: при сохранении этнонима старый этнос может существенным образом изменить физический облик (антропологический тип), однако сохранить в основе язык и культуру; или утратить этноним, вместе с ним прежний разговорный язык, многие черты культуры, но сохранить физический тип и т.д. (Кузеев 1974: 77).

В такой интерпретации любой “компонент” этноса (хоть антропологический облик) мог быть той ниточкой, которая приведет исследователя к корням какого-либо народа, даже если окажется, что в прошлом “этнос” имел другие самоназвание, язык и культурные традиции. Ю.В. Бромлей и его коллеги, конечно, с такой интерпретацией не согласились бы, так как последовательно выступали против биологизации этноса.

Увы, нельзя сказать, что, столкнувшись с реальным кризисом (атакой на теоретические основы этногенеза — примордиализм и теорию этноса), советские и российские приверженцы жанра переключились с обсуждения перманентного кризиса на опровержение доводов оппонентов. Скорее общие теоретические работы по этногенезу вовсе перестали выходить, или ученые просто продолжали дискуссии конца позднесоветского периода, как, например, Н.А. Томилов в своей статье “Этническая история как направление в отечественной науке 1970–1990-х годов” (Томилов 2016).

Хорошей иллюстрацией современного состояния жанра является фактически первый учебник (учебное пособие) по этнической истории О.А. Сухоруковой (если не считать учебное пособие П.В. Алексеева “Этногенез” [Алексеев 1986]), появившийся не при академике Н.Я. Марре и вообще не во времена Советского Союза, а в 2020 г. (Сухорукова 2020). Его содержание достаточно эклектично и в теоретической части содержит ссылки как на научно-популярные книги (“Человечество это народы” Ю.В. Бромлея и Р. Подольного), атласы и энциклопедии, работы Л.Н. Гумилева, так и на специальную этнографическую литературу, актуальные публикации Б. Андерсона, В.А. Шнирельмана, П.П. Толочко и др. Такая разнородность источников порождает противоречия, и буквально на соседних страницах можно встретить заявления, что этнос — биосоциальная общность и что этнос может быть сконструирован различными способами. Очевидно, данная работа не связана ни с продолжением традиции советской школы этнографии, ни с попыткой переосмысления концепции этнической истории, скорее это лишь неудачное обобщение всех несовместимых источников по этнической истории и нациестроительству.

Что ж, может быть, этноисторикам американского континента удалось разрешить свой кризис более продуктивно?

***Ethnohistory* изменяется, чтобы не исчезнуть.** Всего через несколько лет после того, как закрылась Комиссия по претензиям индейцев, давшая жизнь *ethnohistory* как жанру, вышла статья Т.С. Аблера “Этноистория: выбор быть антропологией или быть ничем”. Т.С. Аблер перечислил ключевые на тот момент угрозы, с которыми сталкивалась *ethnohistory*, и назвал главную проблему: несмотря на преимущественное участие в этноисторических исследованиях антропологов, в целом профессиональное сообщество не считало это достойным занятием. Культ поля, царивший в западной антропологии, стигматизировал работу в архивах и библиотеках, и потому американские этноисторики, в отличие от советских коллег, оказались маргинальным меньшинством (Abler 1982: 47). Однако это была лишь одна из проблем.

На протяжении многих лет, практически с момента оформления нового направления, его колониальный характер оставался одним из самых обсуждаемых вопросов. Вспоминалось высокомерное деление Гегелем народов на исторические (европейские) и неисторические — не имеющие своей истории, а *ethnohistory*, таким образом, становилась историей для последних, историей “для

специальных людей” (Lurie 1961: 79). Со временем, когда критика колониализма в западных обществах расширилась, громче зазвучало и обвинение *ethnohistory* в колониализме. Доходило до крайностей. Так, Ш. Креч, почти десять лет бывший редактором журнала *Ethnohistory*, писал в 1991 г., что этноисторики не смогли преодолеть рамок колониализма и расизма и, работая в Комиссии по претензиям, не помогали индейцам, а были пешками в процессе угнетения первых наций. По его мнению, направление *ethnohistory* пришло к своему естественному завершению, и нужно приложить много усилий, чтобы сохранить хотя бы часть наработанной методологии (Chaves 2008: 512).

Пожалуй, можно констатировать, что прогноз Ш. Креча не сбывлся, *ethnohistory* как научное направление сохранилась, хотя для этого этноисторикам в самом деле пришлось многое поменять в своих подходах. Это касается обращения и к изучению устной истории, собственных исторических представлений индигенных групп, и к диалогическим нарративам. Значительно расширилась география применения этноисторической методологии. Если во времена действия Комиссии по претензиям большая часть работ в журнале *ethnohistory* касалась североамериканских индейцев, то за последнее десятилетие фокус исследователей сместился в сторону Латинской Америки и Азии: с 2007 г. в журнале за каждый из этих регионов отвечает отдельный редактор (Riehm et al. 2019: 149–150).

Конечно, расцвет *ethnohistory* остался позади, его название звучит в литературе все реже, однако в этой области исследований происходят значительные изменения и обновления — очевидно, до заката этноистории еще весьма далеко.

Как *ethnohistory* воспринималась в СССР и РФ. Англоязычный жанр *ethnohistory* не мог не привлекать внимание отечественных исследователей в области этнической истории, хотя бы просто из-за созвучия названий. Довольно часто термины “этническая история” и “этноистория” в работах советских этнографов используются как синонимы, соответственно, жанры также описываются как тождественные. Иногда это делали даже специалисты, хорошо знавшие литературу по *ethnohistory*. Например, Ю.П. Аверкиева, ссылаясь на Н. Острайх Лурье, определяла этноисторию как “метод изучения этнического развития того или иного народа на основе сочетания данных письменных источников с археологическими и этнографическими материалами” (Аверкиева 1971: 15). Это определение очень похоже на определение этнической истории, однако в статье Н. Острайх Лурье оно отсутствует, как отсутствует и термин “этническое развитие”, и вообще упоминание чего-либо “этнического”. Определение этноистории, предложенное автором, выглядело по-другому: “Во многих случаях такие исследования... представляют собой попытки точно определить источники и даты инноваций и определить влиятельных лиц, фигурирующих в аккультурационном опыте группы. Это, конечно, общепринятое определение этноистории” (Lurie 1961: 87). Ю.П. Аверкиева, делая обзор, перевела определение Н. Острайх Лурье на концептуальный язык советской этнографии и сблизила позиции советских этнографов и американских этноисториков до неразличения³. Но такой подход нельзя назвать преобладающим.

Из приведенного примера можно сделать вывод, что советские этнографы интересовались *ethnohistory* и даже считали ее “прогрессивным направлением американской науки”. Внимание Ю.П. Аверкиевой к этноистории во многом было плодом ее общения и сотрудничества с американской исследовательницей

Э.Б. Ликок. Э.Б. Ликок и другие антропологи из США приезжали на международный конгресс в Москве 1964 г., дискутировали с советскими этнографами на сессиях и в кулуарах. После контактов на конгрессе журналом *Ethnohistory* заинтересовалась и этнограф-американист И.А. Золотаревская, написавшая о нем комплементарный обзор (Альмов 2021: 77).

Этноисторию хвалили за внимание к “истинному историзму”, называя исследователей-этноисториков “прогрессивными”, но о полном отождествлении этого жанра и этнической истории в СССР все-таки никогда не говорилось. В энциклопедическом издании “Свод этнографических понятий и терминов” западная этноистория описывалась в пространной статье без перевода на концептуальный язык советской этнографии и никак не связывалась с советскими исследовательскими жанрами (Веселкин 1988: 170–171).

В постсоветскую эпоху продолжились обе тенденции обращения к термину “этноистория”: в качестве применения особой этноисторической методологии, которую авторы вполне отличали от методологии этногенеза и этнической истории, и в качестве синонима “этнической истории”, в том числе при отождествлении этих двух жанров.

Одна из немногих крупных отечественных работ, связанных с методологией *ethnohistory*, — книга Е.Ю. Карачковой по этноистории Раджпутского княжества (Карачкова 2013) как части индологического ответвления западной этноистории (в частности, она прямо методологически наследует влиятельной работе Н. Деркса “Пустая корона: этноистория индийского княжества” [Dirks 1988]). В специальной главе, посвященной методологии, Е.Ю. Карачкова пишет, что этноистория в ее работе прежде всего понимается как история местная, противоположная историям элит, а не только как совмещение методов антропологии и истории (Карачкова 2013: 21–23). Другим примером применения этноисторического метода отечественными исследователями является изучение А.А. Ярзуткиной разъездной торговли конца XIX — начала XX в. на Чукотке и прилегающих территориях. Исторические тексты в этой публикации рассматривались как этнографический источник, а сам подход был подсказан работами американского этноисторика К. Подручной, изучавшей жизнь разъездных торговцев на Аляске — в регионе, во многом похожем на Чукотку (Ярзуткина 2016: 182–183).

Несколько другим образом происходила рецепция термина “этноистория” и отчасти этноисторической методологии у этнологов Екатеринбурга. На Урале традиционно были развиты исследования по этнической истории индигенных народов региона. С середины 2000-х годов вместо традиционной “этнической истории” начинает употребляться термин “этноистория”, более того, в Институте истории УРО РАН создается сектор этноистории. Сотрудники сектора использовали название *ethnohistory* как синоним “этнической истории” и включали в библиографию этноисторической методологии работы как отечественных исследователей этногенеза, так и западных этноисториков, как, например, это сделано в книге Т.С. Киссер (Киссер 2019: 16). Такое сближение именно для публикаций уральских этнологов выглядит отчасти обоснованным, так как их тематика обычно касается относительно недавнего прошлого индигенных народов региона, зафиксированного в письменных источниках, или истории позднего Нового времени региональных этнических групп и диаспор.

* * *

Итак, этническая история и *ethnohistory* оказались похожими не только своими названиями. Имея общие философские основания, касающиеся современных идей разделения исторических и неисторических народов, оба жанра были попыткой деколонизации сверху, попыткой наделения историей неисторических народов, не оставивших хроник и анналов, но историей особой — этнической, или этноисторией. Схожими были и методы написания этноисторических нарративов, в том числе использование междисциплинарного синтеза источников, которым, как правило, занимались антропологи/этнографы.

Но отличий было больше. Советский этногенез имел глубокие корни в биологизированном представлении об этничности антропологов начала XX в., а с 1930-х годов искал корни народностей СССР в глубоком прошлом. Почти все теоретики этногенеза и этнической истории считали объектом изучения народность (этнос), которая однажды возникла (сформировалась) и в дальнейшем “этнически развивалась”, проходя эволюционные стадии, обусловленные сменой общественно-экономических формаций (исторический материализм). Путь этноса прослеживался по отдельным компонентам, прежде всего по языку и материальной культуре, тогда как идентичности (самосознанию) отводилась вторичная роль. В *ethnohistory*, напротив, больше внимания уделялось преемственности идентичностей, чувству принадлежности индигенных жителей месту их обитания (Anderson 2007: 582), а в последние десятилетия особый акцент делался на описании собственной истории членами изучаемых групп.

В отличие от советских жанров, *ethnohistory* была ответом на прикладные задачи, связанные с выяснением юридической преемственности между современными группами индейцев США и группами, у которых в прошлом незаконно отнималась земля. Такая задача исключала необходимость построения многовековых генеалогий индигенных общностей, не требовала гипотез о примордиальной этнической преемственности, передаваемой через отдельные черты культуры или их комплекс. Более того, формализованный общественный заказ на услуги этноисториков существовал всего 28 лет, после чего сформировавшийся междисциплинарный жанр отправился в свободное плавание, пережил кризис идентичности и сильно расширил географические и тематические границы своего поля.

Этногенез и этническая история, напротив, мало изменились со времен “учредительных” работ 1940-х годов. Жанр оставался довольно эклектичным и обычно приобретал черты дисциплины, которую представлял автор. Отдельные региональные варианты этногенеза, например, при изучении истории народов Севера и Сибири, оказывались похожими на *ethnohistory*, отдельные, такие как исследования глубокого прошлого современных социалистических наций, — не имели с ней никаких общих черт, кроме междисциплинарности.

Критика теории этноса в постсоветский период отчасти ударила и по этнической истории, так как примордиальный этнос лежал в основании глубоких генеалогий этнических общностей, однако прямого осуждения жанра было меньше, и работы в его тематике по-прежнему появляются на страницах научных изданий. Более того, до последнего времени в паспорте научной специальности 07.00.07 “Этнография, этнология и антропология” в перечне областей исследования были указаны “этногенез” (под № 1) и “этническая история”

(под № 3) (Паспорт 07.00.07). В паспорте специальности 5.6.4 “Этнология, антропология и этнография”, принятом в 2021 г., “этногенез” исключен, но “этническая история” осталась (Паспорт 5.6.4). Тем не менее, несмотря на стойкость жанровой формы и большое количество работ по данной тематике, теоретическое развитие направления в постсоветское время окончательно прекратилось.

Стоит констатировать, что этническая история и *ethnohistory* оказались похожими внешне и разными внутри прежде всего из-за крайне различных условий функционирования науки в СССР и Северной Америке. Да, идея написать историю неисторических народов была в основе и того и другого направления, но политическая обстановка диктовала в качестве образца очень разные нарративы. Взлет этногенеза был обусловлен советским проектом строительства социалистических наций; в основу национальных историй должны были лечь тысячелетние истории “старых” европейских наций, в том числе русской, написанной еще до революции и реабилитированной незадолго до запуска этногенетических исследований в 1930-х годах. В дальнейшем созданные в национальных автономиях культурные и научные инфраструктуры поддерживали потребность в существовании этногенетического жанра, а этнографы с удовольствием погружались в удаленные от опасной современности глубины истории. Ни один из этих факторов не действовал на родине *ethnohistory*, напротив, она считалась маргинальной областью на фоне уважаемой и престижной полевой работы, направленной на изучение современных групп.

Может ли комплексный этногенетический метод продолжить свою жизнь в науке без концепции этноса? Других теорий, способных поддержать исследования этногенеза в той форме, в которой они бытовали и еще бытуют в отечественных работах, в актуальном теоретическом наборе мировой науки не представлено. На западе уже с 1950-х годов акцент в изучении этнических групп начал смещаться от культурных особенностей к социальной структуре, а влиятельнейшая работа Ф. Барта (1969) привлекла основное внимание к социальным границам, обозначив этничность как форму социальной организации и осознания культурных различий (Eriksen 2010: 43–44). Среди созданных впоследствии самых разнообразных теорий этничности и национализма, безусловно, были и те, что пытались вернуть утраченное значение примордиальным культурным характеристикам (как, напр., этносимволизм Э.Д. Смита [Smith 1988], взгляды К. Гирца и Э. Шилза [Eriksen 2010: 64]), но ни одна из этих теорий не могла уже утверждать тот сугубый культурный детерминизм, который был свойственен не столько самой советской теории этноса, сколько исследованиям по этногенезу и этнической истории.

Нельзя сказать, что из всего вышесказанного вырисовывается простой рецепт того, что делать с концептами этногенеза и этнической истории: должны ли они остаться лишь частью истории отечественной науки, или у них, по-прежнему столь популярных, еще остался внутренний потенциал для изменения и актуализации. Увы, хотя принципы *ethnohistory* эпизодически применяются и российскими исследователями, пока эти попытки нельзя назвать массовыми или оказывающими влияние на антропологию в РФ. Возможно, авторам, занимающимся этноисторической тематикой, стоит воспользоваться главной сверхспособностью антропологии — умением деконструировать давно не пересматриваемые генерализации — и обратиться к ревизии своих методов на предмет

сообразности современным подходам и условиям. Данная работа как раз является скромной попыткой такой деконструкции.

Примечания

¹ В советской этнографии вопрос соотношения терминов “этногенез” и “этническая история” являлся дискуссионным. Термины признавались либо синонимами, либо обозначающими разные этапы развития этноса. Однако единого мнения не существовало. Например, В.И. Васильев считал, что “этногенезом [является] процесс исторического *формирования* этноса... Под этнической историей понимается процесс исторического развития определенного *сформировавшегося* этноса” (Васильев 1977: 4), Л.П. Лашук указывал, что этническая история — общее понятие, которое включает в себя этногенез — начальные этапы сложения народности (Миронова, Карлов 2019: 76), Л.В. Хомич на материалах Севера и Сибири разделяла этногенез и этническую историю по типу источников, используемых в исследовании (Хомич 1974; цит. по Arzyutov 2021), и т.д. В данной работе термины “этногенез” и “этническая история” будут употребляться как синонимы, каждый из которых был более актуален в свой исторический период.

² Определение содержится в словаре терминов, который включался не во все переиздания работы.

³ Интересно, что в более ранней работе 1963 г. Ю.П. Аверкиева не делала таких обобщений, хотя описывала направление *ethnohistory* более подробно (Аверкиева 1963). Изменение в восприятии к 1971 г., возможно, было связано с начавшейся в СССР разработкой Ю.В. Бромлеем теории этноса; именно с утверждением этой теории “этническая” специфика этнографии в СССР окончательно возобладала.

⁴ Возможно, нейтральное содержание статьи стало следствием заимствования автором (без указания ссылки) части текста из переведенной на русский язык работы Д.У. Ван Стоуна (Ван-Стоун 1981: 212).

Источники и материалы

Рабочий дневник 1951 — Рабочий дневник С.А. Токарева. 16.VII — июль 1951. Тетрадь № 9 // Личный архив Е.С. Токаревой.

Паспорт 07.00.07 — 07.00.07. Паспорт научной специальности “Этнография, этнология и антропология”. <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?tyre=18&name=2192110001&f=1008> (дата обращения: 16.12.2023).

Паспорт 5.6.4. — 5.6.4. Паспорт научной специальности “Этнология, антропология и этнография”. https://www.hist.msu.ru/upload/iblock/f88/ps_5-6-4.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

Научная литература

Абашин С.А. “В лабиринтах этногенеза и этнической истории”: труды Б.Х. Кармышевой как наследие советской этнографии // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии / Ред. Р. Аббясов. М.: Исламская книга, 2018. С. 34–45.

Аверкиева Ю.П. Современные тенденции в развитии этнографии США // Современная американская этнография / Отв. ред. А.В. Ефимов, Ю.П. Аверкиева. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 19–21.

Аверкиева Ю.П. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе // Советская этнография. 1971. № 5. С. 9–16.

- Аксёнова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов // Славяноведение. 1993. № 2. С. 86–104.
- Алексеев В.П. Этногенез. М.: Высшая школа, 1989.
- Алымов С.С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 67–84.
- Алымов С.С. “Империалистические разведчики” или коллеги? Советско-американский антропологический диалог в период ранней холодной войны (конец 1940-х – начало 1960-х гг.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 62–87.
- Анфертьев А.Н. Прологомены к изучению этнической истории // Этносы и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса / Ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература, 1993. С. 62–70.
- Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Д. (ред.) От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Ван-Стоун Д.У. Этноисторические исследования на Аляске: обзор // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1981. С. 212–228.
- Васильев В.И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера // Советская этнография. 1977. № 4. С. 3–17.
- Верховцев Д.В., Петряшин С.С. Теории этноса vs марксизм: история мимитического сопротивления // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 88–104. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1\(11\)-88-104](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88-104)
- Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>
- Веселкин Е.А. Этноистория // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2, Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Отв. ред. М.В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988. С. 170–171.
- Волкова Н.Г. Этническая история: содержание понятия // Советская этнография. 1985. № 5. С. 16–25.
- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979.
- Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: АСТ; Хранитель, 2008.
- Карачкова Е.Ю. Диалоги с прошлым: этноистория Раджпутского княжества. М.: Совпадение, 2013.
- Киссер Т.С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб.: МАЭ РАН, 2019.
- Козлов С.Я., Пучков П.И. (отв. ред.-сост.) Благодарим судьбу за встречу с ним (о Токареве С.А. – ученом и человеке). М.: ИЭА РАН, 1995.
- Коропчевский Д.А. Значение “географических провинций” в этногеническом процессе. СПб.: Слово, 1905.
- Крюков М.В. Этническая история // Свод этнографических терминов и понятий. Вып. 2, Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Отв. ред. М.В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988. С. 58–59.

- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974.
- Миронова Н.П., Карлов В.В. Л.П. Лашук: от этнической истории к исторической социологии // Известия Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар). 2019. № 4 (40). С. 72–80.
- Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Седов В.В. Этногенез ранних славян // Русин. 2006. № 1 (3). С. 175–198.
- Сухорукова О.А. Этническая и национальная история России с древнейших времен до XVII в.: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2020.
- Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
- Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12–36.
- Толстов С.П. Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947. № 4. С. 8–28.
- Томилов Н.А. Этническая история как направление в отечественной науке 1970–1990-х годов // Вестник Омского университета. Серия, Исторические науки. 2016. № 3 (11). С. 43–58.
- Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003.
- Хомич Л.В. Соотношение понятий “этногенез” и “этническая история” (на примере формирования ненецкой народности) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1972–1973 гг. / Ред. Б.Н. Путилов, Л.М. Сабурова, А.М. Решетов, К.В. Чистов. Л.: Наука, 1974. С. 61–65.
- Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68.
- Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 3–14.
- Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006.
- Ярзуткина А.А. Разъездная торговля русских купцов крайнего северо-востока России: этноисторический взгляд // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 182–193.
- Abler T.S. Ethnohistory: A Choice between Being Anthropology or Being Nothing // Central Issues in Anthropology. 1982. Vol. 4. No. 1. P. 45–61.
- Anderson D.G. Ethnohistory and Ethnic History: A Comparative Analysis of English and Russian Language Traditions of Writing the History of Indigenous People // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 581–583.
- Arzyutov D., Lukin K. Introduction to “Entangled Indigenous Historicities from the Eurasian North” // Suomen Antropologi. 2023. Vol. 47. No. 3. P. 9–17.
- Arzyutov D.V. Reassembling the Environmental Archives of the Cold War: Perspectives from the Russian North. PhD Diss., Stockholm, KTH Royal Institute of Technology, 2021.

- Chaves K.K. Ethnohistory: From Inception to Postmodernism and Beyond // The Historian. 2008. Vol. 70. No. 3. P. 486–513.
- Dirks N. The Hollow Crown: Ethnohistory of an Indian Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L.: PlutoPress, 2010.
- Lurie N.O. Ethnohistory: An Ethnological Point of View // Ethnohistory. 1961. Vol. 8. No. 1. P. 78–92.
- Riehm E.G. et al. What Is Ethnohistory?: A Sixty-Year Retrospective // Ethnohistory. 2019. № 1 (66). P. 145–162. <https://doi.org/10.1215/00141801-7217401>
- Smith A.D. Ethnic Origins of Nations. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
- Strong P.T. Ethnohistory // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Vol. 8 / Ed. J.D. Wright. N.Y.: Elsevier, 2015. P. 192–197.

Research Article

Verkhovtsev, D.V. Ethnohistory and *Etnicheskaja Istorija*: Outer Similarities and Inner Differences [Etnicheskaja istorija i *ethnohistory*: vneshnie skhodstva i vnutrennie otlichiia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 2, pp. 46–67. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020036> EDN: CLHKJW ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitriy Verkhovtsev | <http://orcid.org/0000-0001-9232-2952> | dverhovtcev@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

ethnic history, history of Russian anthropology, theory of ethnos, ethnogenesis, ethnicity, ethnohistory

Abstract

Soviet ethnic history (*etnicheskaja istorija*) and North American ethnohistory share not only similar names but also similar methods, such as the collection of interdisciplinary sources and the synthesis of collected information by ethnographers/anthropologists. However, on the inside, differences substantially exceed similarities. Thus, the foundation of the Soviet research genre is a primordial understanding of ethnicity where the focus is the past of either indigenous groups or industrialized peoples, whereas the North American genre is principally concerned with the continuity of group identities. In these genres, disciplinary development crises were also handled differently: ethnohistorians, while occupying a rather marginal position within anthropology, nevertheless quite radically expanded the geographical and subject areas of their research, whereas in the works of ethnohistorians, on the contrary, the discussion of theoretical issues nearly ceased. This situation is due to the different modes of functioning of science and research scholarship in the respective societies, as well as different degrees of involvement in interactions with various levels of the governmental structure.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-18-00241]

References

- Abashin, S.A. 2018. “V labirintakh etnogeneza i etnicheskoi istorii”: trudy B.K. Karmyshevoi kak nasledie sovetской etnografii [“In the Labyrinths of Ethnogenesis and Ethnic History”: Works of B.K. Karmysheva as a Legacy of Soviet Ethnography]. In *Oazisy Shelkovogo puti: sovremennye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniia narodov Tsentral'noi Azii* [Oases of the Silk Road:

- Modern Problems of Ethnography, History and Source Studies of the Peoples of Central Asia], edited by R. Abbyasov, 34–45. Moscow: Islamskaia kniga.
- Abler, T.S. 1982. Ethnohistory: A Choice between Being Anthropology or Being Nothing. *Central Issues in Anthropology* 4 (1): 45–61.
- Aksenova, E.P., and M.A. Vasiliev. 1993. Problemy etnogonii slavianstva i ego vetvei v akademicheskikh diskussiiakh rubezha 1930–1940-kh godov [Problems of the Ethnogeny of the Slavs and Its Branches in Academic Discussions at the Turn of the 1930s–1940s]. *Slavianovedenie* 2: 86–104.
- Alekseev, V.P. 1986. *Etnogenez* [Ethnogenesis]. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Alymov, S.S. 2017. Ukrainskie korni teorii etnosa [Ukrainian Roots of the Theory of Ethnos]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 67–84.
- Alymov, S.S. 2021. “Imperialisticheskie razvedchiki” ili kollegi? Sovetsko-amerikanskii antropologicheskii dialog v period rannei kholodnoi voiny (konets 1940-kh – nachalo 1960-kh gg.) [“Imperialist Intelligence Officers” or Colleagues? Soviet-American Anthropological Dialogue during the Early Cold War (Late 1940s – Early 1960s)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 62–87.
- Anderson, D.G. 2007. Ethnohistory and Ethnic History: A Comparative Analysis of English and Russian Language Traditions of Writing the History of Indigenous People. In *Etnoistoriia i arkheologiia Severnoi Evrazii: teoriia, metodologiia i praktika issledovaniia* [Ethnohistory and Archeology of Northern Eurasia: Theory, Methodology and Practice of Research], edited by A.V. Kharinskii, 581–583. Irkutsk: Izdatel'stvo IrGTU.
- Anfertiev, A.N. 1993. Prolegomeny k izucheniiu etnicheskoi istorii [Prolegomena to the Study of Ethnic History]. In *Etnosy i etnicheskie protsessy. Pamiati R.F. Itsa* [Ethnoses and Ethnic Processes: In Memory of R.F. Its], edited by V.A. Popov, 62–70. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Arzyutov, D.V. 2021. Reassembling the Environmental Archives of the Cold War: Perspectives from the Russian North. PhD diss., KTH Royal Institute of Technology.
- Arzyutov, D.V., S.S. Alymov, and D.J. Anderson, eds. 2014. *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* [From the Classics to Marxism: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Arzyutov, D., and K. Lukin. 2023. Introduction to “Entangled Indigenous Historicities from the Eurasian North”. *Suomen Antropologi* 47 (3): 9–17.
- Averkieva, Y.P. 1963. Sovremennye tendentsii v razvitii etnografii SShA [Modern Trends in the Development of Ethnography of the United States]. In *Sovremennaia amerikanskaia etnografiia* [Modern American Ethnography], edited by A.V. Efimov and Y.P. Averkieva, 19–21. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Averkieva, Y.P. 1971. Etnografiia i kul'turnaia/sotsial'naia antropologiia na Zapade [Ethnography and Cultural/Social Anthropology in the West]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 9–16.
- Chaves, K.K. 2008. Ethnohistory: From Inception to Postmodernism and Beyond. *The Historian* 70 (3): 486–513.
- Dirks, N. 1988. *The Hollow Crown: Ethnohistory of an Indian Kingdom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eriksen, T.H. 2010. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press.

- Gadlo, A.V. 1979. *Etnicheskaiia istoriia Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic History of the North Caucasus 4–10 Centuries] Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Gumilev, L.N. 2008. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus' to Russia]. Moscow: AST; Khranitel'.
- Karachkova, E.Y. 2013. *Dialogi s proshlym: etnoistoriia Radzhputskogo kniazhestva* [Dialogues with the Past: Ethnohistory of the Rajput Principality]. Moscow: Sovpadenie.
- Khomich, L.V. 1974. Sootnoshenie poniatii “etnogenez” i “etnicheskaiia istoriia” (na primere formirovaniia nenetskoï narodnosti) [The Relationship between the Concepts of “Ethnogenesis” and “Ethnic History” (Using the Example of the Formation of the Nenets People)]. In *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoi nauchnoi sessii Instituta etnografii AN SSSR 1972–1973 gg.* [Summary of Reports of the Annual Scientific Session of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in 1972–1973], edited by B.N. Putilov, L.M. Saburova, A.M. Reshetov, and K.V. Chistov, 61–65. Leningrad: Nauka.
- Kisser, T.S. 2019. *Nemtsy Urala: etnoistoriia i identichnost'* [Germans of the Urals: Ethnohistory and Identity]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Koropchevskii, D.A. 1905. *Znachenie “geograficheskikh provintsiï” v etnogenicheskom protsesse* [The Meaning of “Geographical Provinces” in the Ethnogenic Process]. St. Petersburg: Slovo.
- Kozlov, S.Y., and P.I. Puchkov, eds. 1995. *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim (o Tokareve S.A. — uchenom i cheloveke)* [We Thank Fate for Meeting Him (About Tokarev S.A. — Scientist and Person)]. Moscow: IEA RAN.
- Kriukov, M.V. 1988. Etnicheskaiia istoriia [Ethnic History]. In *Svod etnograficheskikh terminov i poniatii* [A Collection of Ethnographic Terms and Concepts]. Vyp. 2, *Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [Ethnography and Related Disciplines; Ethnographic Subdisciplines; Schools and Directions; Methods], edited by M.V. Kriukov and I. Zelnov, 58–59. Moscow: Nauka.
- Kuzeev, R.G. 1974. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda: etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia* [Origin of the Bashkir People: Ethnic Composition, History of Settlement]. Moscow: Nauka.
- Lurie, N.O. 1961. Ethnohistory: An Ethnological Point of View. *Ethnohistory* 8 (1): 78–92.
- Mikhankova, V.A. 1949. *Nikolai Yakovlevich Marr. Ocherk ego zhizni i nauchnoi deiatel'nosti* [Nikolai Yakovlevich Marr: Essay on His Life and Scientific Activities]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Mironova, N.P., and V.V. Karlov. 2019. L.P. Lashuk: ot etnicheskoi istorii k istoricheskoi sotsiologii [L.P. Lashuk: From Ethnic History to Historical Sociology]. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN (Syktyvkar)* 4 (40): 72–80.
- Riehm, E.G., et al. 2019. What Is Ethnohistory?: A Sixty-Year Retrospective. *Ethnohistory* 1 (66): 145–162. <https://doi.org/10.1215/00141801-7217401>
- Sedov, V.V. 2006. Etnogenez rannikh slavian [Ethnogenesis of the Early Slavs]. *Rusin* 1 (3): 175–198.
- Shnirelman, V.A. 1993. Zlokliucheniia odnoi nauki: etnogeneticheskie issledovaniia i stalinskaia natsional'naia politika [The Misadventures of One Science: Ethnogenetic Research and Stalin's National Policy]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 52–68.

- Shnirelman, V.A. 2003. Etnogenez i identichnost': natsionalisticheskie mifologii v sovremennoi Rossii [Ethnogenesis and Identity: Nationalist Mythologies in Modern Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–14.
- Shnirelman, V.A. 2006. *Byt' alanami. Intellekualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [To Be Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20 Century]. Moscow: NLO, 2006.
- Smith, A.D. 1988. *Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell.
- Strong, P.T. 2015. Ethnohistory. In *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, edited by J.D. Wright, 8: 192–197. New York: Elsevier.
- Sukhorukova, O.A. 2020. *Etnicheskaiia i natsional'naia istoriia Rossii s drevneishikh vremen do XVII v.: uchebnoe posobie* [Ethnic and National History of Russia from Ancient Times to the 17th Century]. Moscow: KNORUS.
- Tishkov, V.A. 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From Ethnos to Ethnicity and After]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 5–22.
- Tokarev, S.A. 1949. K postanovke problem etnogenezia [Towards the Formulation of Problems of Ethnogenesis]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 12–36.
- Tolstov, S.P. 1947. Sovetskaia shkola v etnografii [Soviet School in Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 8–28.
- Tomilov, N.A. 2016. Etnicheskaiia istoriia kak napravlenie v otechestvennoi nauke 1970–1990-kh godov [Ethnic History as a Direction in Russian Science in the 1970s–1990s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serii, Istoricheskie nauki* 3 (11): 43–58.
- Trubachev, O.N. 2003. *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavian. Lingvisticheskie issledovaniia* [Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs: Linguistic Research]. Moscow: Nauka.
- Van-Stoun, D.U. 1981. Etnoistoricheskie issledovaniia na Aliaske: obzor [Ethnohistorical Research in Alaska: An Overview]. In *Traditsionnye kul'tury Severnoi Sibiri i Severnoi Ameriki* [Traditional Cultures of North Siberia and North America], edited by I.S. Gurvich, 212–228. Moscow: Nauka.
- Vasiliev, V.I. 1977. Problemy etnogenezia i etnicheskoi istorii narodov Severa [Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of the North]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 3–17.
- Verkhovtsev, D.V., and S.S. Petriashin. 2021. Teorii etnosa vs marksizm: istoriia mimeticheskogo soprotivleniia [Theories of Ethnos vs Marxism: The History of Mimetic Resistance]. *Kunstkamera* 1 (11): 88–104. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1\(11\)-88-104](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88-104)
- Verkhovtsev, D.V. 2022. Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazыchnom diskurse [Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>
- Veselkin, E.A. 1988. Etnoistoriia [Ethnohistory]. In *Svod etnograficheskikh ponatii i terminov* [A Collection of Ethnographic Terms and Concepts]. Vyp. 2, *Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [Ethnography and Related Disciplines; Ethnographic Subdisciplines; Schools and Directions; Methods], edited by M.V. Kriukov and I. Zelnov, 170–171. Moscow: Nauka.
- Volkova, N.G. 1985. Etnicheskaiia istoriia: sodержanie ponatii [Ethnic History: Content of the Concept]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 16–25.

- Yarzutkina, A.A. 2016. Raz'ezdnaia trgovlia russkikh kuptsov krainego severo-vostoka Rossii: etnoistoricheskii vzgliad [Traveling Trade of Russian Merchants in the Extreme Northeast of Russia: An Ethnohistorical View]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 406: 182–193.